

Владимир Даль

Дедушка Бугров

Всякому ведомо, что из простолюдинов наших выходят иногда замечательные люди, самородки, ничем не обязанные воспитанию своему, учению и образованию, и крайне жаль, что мы обращаем на это слишком мало внимания — в чем себя укоряет и пишущий строги эти, вспоминая иногда выходящего из ряду вон ниже городского удельного крестьянина, Семеновского уезда, Петра Егоровича Бугрова, известного в последние годы жизни своей во всем городе под именем *дедушки*. Скажем об нем однако же хотя то, что еще осталось в памяти, дошедши некогда до нас отрывками.

Не мудрено, если человек, сызмала окруженный заботами об укоренении в душе его правды, человек наставляемый и просвещаемый нравственно и научно, не мудрено коли такой человек вырастет в ясных понятиях о долге своем и обязанностях, и сделается честным, полезным гражданином, не мудрено, коли из него выйдет брату брат, государю слуга, Богу свеча; но если человек сам собою, без всяких пособий, даже без помощи грамоты, даже не будучи самоучкой, дойдет до высокого умственного и нравственного развития, то невольно преклоняешься перед высшим земным созданием Божиим и с жалостью и негодованием глядишь на буйство безумия и неверия. Разве не очевидно после этого, что все зачатки двойственного духовного начала человека, умственные и нравственные, спят в создании этом как зародыш кедра в малом зерне, и могут быть заморены, могут погибнуть, или выйти на Божий свет, возрасти, и красоваться во всем божественном блеске своем?

Петруху-балалаечника помнили купцы старожилы, или приказчики их, как бойкого, но трезвого и смирного бурлака, который являлся на пристани еще до прилета жаворонков, как только лед на Волге начинал синеть, а местами по синеве выказывались черные ряды и кучи. Кроме ложки и лямки, в мешке за плечами у него была балалайка. Судовщики приятельски привечали приземистого, кряжистого голыша, с песчаной и болотистой почвы этой части Заволжья, где земля не кормит детей своих хлебом, и откуда щепенный товар, ложки и чашки, ставцы и складни идут на всю Русь.

Смекнув скоро, что промысел соленосцев, хоть и тяжел, да выгоднее простого бурлачества, он перешел к этому делу, и несколько лет сряду летовал под горой у соляных складов, у разгрузки и нагрузки судов, таская на могучих плечах своих четырехпудовые мешки, по зыбкой кладке с пристани на барку. Свернувшись однажды и полетев под ношей своею в воду, он сильно расшибся, и сверх того несколько дней сряду таскал мешки даром, отрабатывая утрату размокшей соли.

Но вскоре Бугров опять сам догадался, что даже и кряжистому и плечистому мужику выгоднее работать смыслом своим, чем спиною, или по крайности прилагать к делу и разум свой, как не одни плеча; Бог указал пчеле соты строить, говаривал он, и не станет она землю копать и в навозе рыться, как жук: коли дал Бог человеку ум, так надо работать и им. Он пошел, не то в корщики, лоцмана, не то в водоливы, или в приказчики, верно не знаю, но стал ходить со сплавом соли; затем вошел в долю, потом спустил и свою барочку и стал промышлять на свою руку. Наконец, продолжая держать суда и заведя даже свою коноводку, он стал торговать хлебом и стал брать подряды.

Вступив в подряды, он очень скоро стал известен своими особенностями, коими заслужил уважение многих и сильную неприязнь иных: он был исполнительен, добросовестен и точен в делах своих, и этим умел избегать всяких придирок и даже предлогов к ним, но за то терпеть не мог крупных взяток и поборов, приносящих другим подрядчикам огромные выгоды; никогда он не шел наперед на такие сделки, никогда не входил в стачки, никогда не брал слазов и отсталого, а любил являться на торги внезапно, нежданно, даже прямо на переторжку, где чрез это был полным хозяином своего дела, независимым и чуждым всем предварительным сделкам. «Казну окрадывать – народ окрадывать, – говаривал он, – на том свете к ответу поставят супротив несметной толпы – что отвечать будем?»

Семеновская волость платила подрядчику своему, за починку дорог, гатей и мостов, ежегодно по две тысячи рублей; новый начальник позвал Бугрова, поговорил с ним, и тот, по обычаю своему, помолчав, потрепав себе бороду и кивнув головой, коротко отвечал: «Хорошо, ладно, дело доброе – зови на торги, там поглядим». На торгах, он повинность эту с двух тысяч сбил на семьсот – и взял ее за эту цену тот же, прежний подрядчик!

– Барин, не хорошо дело это, не годится, – сказал он однажды приемщику подрядной постройки, который думал, что тот принес требуемые за приемку немалые деньги, и потому принял его с глазу на глаз.

– Что тебе не нравится?

– Да не хорошо наше дело делается, так не пойдет оно.

– А мне что до этого? Твоя забота, не моя; а ты все хочешь на фу-фу?

– Нет, барин, ты меня послушай: на фу-фу я не делаю, а делаю так, чтоб было хорошо; вот потому-то у нас с тобой дело-то и не вяжется: что ты правишь с меня, то положено у меня в стену да в стреху, отдать-то и нечего; ты послушай меня: правду знаешь? Любишь правду? Ты поверь, она скажет, от нее не уйдешь, худо будет; я работал, а ты гулял; свои заработки тебе отдать, да еще приплатиться – где она тут, правда-то? А я что есть стану?

– А зачем ты лез в это дело, с боку припека, кто тебя совал?

– Я не лез, барин, я стоял у стенки с прочими, да еще и позади их, я стоял, по указу государеву, на своем месте; я отвечал на спрос, при зеркале, за что взялся, то исполнил, а в чем ряду не было, о том и речей нет. Ты меня послушай: ты толк и силу и цены сам знаешь, ты взгляни на строение, на свою совесть, для себя, ты забудь это на час, что взять надо, а покайся разок правде – взгляни, чего дело стоит, да тогда уже дай волю себе, именно, много-ль тут с добычи моей отдать можно; ну тебе надо было ходить и по подвалам, и по подволокам, глядеть, считать, хлопотать – за это спасибо, и возьми вот, за труды эти, что отдать можно; а взять у рабочего, убогого человека, кто кости ломал на этом деле, да отняв у него, отдать тебе – этого нельзя; ты меня послушай: возьми вот, что отдать можно, и Бог с тобой, коли греха не боишься, а нет, так шуму будет много, а корысти мало: ославишься, не хорошо, а правда-таки свое возьмет.

Все это говорил он так тихо и кротко, так рассудительно и убедительно, что неволею заставлял слушать себя и под конец уступать. В другой раз, когда губернатор призвал его, убеждая идти на торги, от коих Петр Егорыч было, по стачке подрядчиков, уклонился, он, почесавшись и подержав бороду в кулаке, отвечал:

– Коли так, то ты скажи мне, ваше превосходительство, как мне быть, ты научи меня наперед, чтоб оглядки не было: казну ли обокрасть, чиновников ли обмануть, аль на себя поступиться, свое посадить?

– По совести делай, – сказал тот.

– А коли такая ряда наша будет, – отвечал Петр Егорыч, взглянув на него острыми умными глазами, немного исподлобья, – так ведь я зачураю, ты у меня помни слово свое – этого на торгах не вырядишь, а уж мы с тобой про то знать будем: изволь, возьму и сделаю!

Подробностей, как он шел вперед и наживался, не знаю, могу только рассказать несколько особенных случаев и сослаться на весь Нижний, где, я чаю, не найдется ни одного человека, который бы не помянул дедушку Бугрова добром, не назвал бы его честным человеком и благодетелем народа. Поговорка его была: «Так делай, чтоб тебе хорошо, а никому не худо».

На телячем броду затонуло однажды несколько барок кирпича, на огромную сумму, и несчастный хозяин в один час был разорен в пух; кроме неоплатных убытков, его нудили тотчас же вынуть из воды и выгрузить кирпич, и убрать днища, кои запружали проход судам. Бугров купил кирпич за бесценок, но все-таки за большие деньги, перепаязил его быстро, пустил в Нижнем с огромною выгодой на постройки свои и в продажу, а по выручке, молча поделился с разоренным плавщиком барышами.

Кошунствуя в избытке признательности своей, тот сказал:

– И сам Бог не сделал для меня того, что сделал Петр Егорович Бугров!

– Не городи зря, – отвечал этот, – не хорошо, говори: Бог велел пособить, а Бугров послушался Его!

Берег Волги, от Кремля вниз, ныне весь обстроенный пароходными пристанями, был дик, в неприступных оврагах и обрывах в десятки сажен; государь Николай Павлович, быв в Нижнем, повелел обратить его в ровный откос, засадить деревьями и сделать спуски и дороги: работ было на миллионы.

Все шло хорошо, но одна часть откоса, ближайшая к Кремлю, обильная ключами, никак не поддавалась уровню ученых строителей и каждую весну снова оседала, съезжая к Волге и образуя новые трещины, овраги и обрывы. Несколько лет бились с этою упорною толщей, упрятали в ней много денег, а успеху никакого. Тогда вздумали свалить эту беду с плеч своих, отдав работу подрядом, с ответом подрядчика на восемь лет.

Никто не пожелал взяться за такое темное опасное дело, где можно посадить и самое огромное состояние. Бугров взялся. Он нагнал вдруг тысячу рабочих – а все Заволжье, по одному слову его, всегда готово было явиться в Нижний – поднял всю толщу переворочанной земли, на десятки сажен, где по глиняному пласту струились во множестве обильные родники, покрыл весь простор этот сплошным накатом бревен, по направлению ската ключей, накатал сверх еще другой и третий сплошной ряд бревен, поперек и опять вдоль исподнего ряда – засыпал режу эту землей, сделал и сгладил откос, который стоит и по сей день.

В годину ополчения, Бугров сослужил большую службу на людей и на царя. Кто был близок этому делу, тот помнит как трудно было в короткий срок выставить большой обоз на десять дружин, по образцу, и стало быть весь вновь построенный, а к нему и однообразную упряжь, и наконец несколько сот лошадей; где их взять вдруг? На месте их нет – послать скупать у крестьян, по всей губернии, накупят всякой дряни – куда их девать и на кого после положить убыток? Чем их заменит, при той поспешности, с какою дело делалось? Петр Егорович взял это на себя, в три дня открыл тележную мастерскую в манеже, а на дому у себя шорную, отправил в тот же день сына своего, Александра Петровича, в Мензелинск, и еще на какую-то

ярмарку, и отвечал на все опасения и сомнения, что-де далеко, и много времени пропадет: «за то мы покончим его в один раз, я пригоню тысячу коней к сроку, и выбирай; а здесь станем колотиться, выпрягая кляч из сохи да из бороны, и наживем себе беду; будьте покойны, к сроку поставлю, а я помру, так Алексашка пригонит, не бойтесь»; и нижегородский обоз был один из лучших в ополчении.

До конца жизни своей он оставался тем же смурым мужиком, разъезжал по городу сидя боком на долгих дрогах и свесив ноги; он не хотел выходить из своего сословия, держал двор и дом в своей родной деревне, Поповой, хотя сам жил с умною старухой своею, женой, в Нижнем, жил по делам и подрядам своим и при лабазе; он держал несколько водяных мельниц на оброке и железорезный завод, безропотно оплачивая миром положенные на него 18 тягл! Земля в этих местах ничего не стоит, и он предоставлял оплачиваемую им, кроме своего тяглового участка, беднейшим крестьянам.

Привозя в город оброк и подушные с волости, голова всегда заезжал наперед к Бугрову и безотказно брал 200, 300 рублей, коих не успел собрать, и много из этих денег засело за волостью навсегда: ни на это, ни на другое что, он жалоб никогда не приносил. Мне лично известны были до 15-ти человек, выкупленных им из солдатства; каждый из них стоил ему не менее 800 рублей и заклинался всеми святыми, что отслужит ему эти деньги; человека три из них сдержали свое слово, остались вернейшими слугами его — остальные спились с кругу, были им отосланы, или сами ушли, и он даже не поминал об них: «Их воля, говаривал он, я свое дело сделал, а они как знают; перед Богом будем отвечать всяк сам за себя, там на миру, чай, круговой поруки нет!»

На так называемый крестьянский банк он не дал ни гроша, поняв сразу, что из этого учреждения ничего не выйдет; а например на основание нерушимого истинника, для вспоможения ростоми бедным крестьянам, внимательно выслушав весь устав, внес тысячу рублей.

«Деньгу грешно держать в сундуке, говаривал он, — надо пускать ее, чтобы народ е кормился; она в один день семерых обойдет и выручит, а в сундуке она тлен». Где он считал нужным помочь кому, там давал, для оборота, изрядные деньги, и всегда тихо, молча и на слово; сколько раз ни обманывали его, он от этого не изменялся, а говорил только: «Что ж, Бог с ним, не я его обидел, он сам себя обидел!»

Петр Егорович терпеть не мог, чтобы какое-нибудь дело за ним стояло, чтобы кто его дожидался; он свято берегся, чтобы никто на него не попенял. Расчеты с сотнями рабочих были у него в субботу вечером, и тут толпа за толпой валила к нему в дом, на нижний базар, зная, что в канцелярии дедушки, то есть в голове его, готов был расчет каждому, а в большой деревянной чашке открыто стояло наготове и казначейство хозяина. Разоблачась, он с чашкой этой залезал на печь, а народ толпился в избе и, подходя получал расчет. И здесь умел он соблюдать чинность и порядок: зря не входили, а вызывались артелями, наперед каменщики, там плотники, маляры, кровельщики, и наконец земляники, и золотая чаша постепенно порожнела.

— Ну что ты лоб-то крестом чешешь, сказал он однажды сыну, а народ стоит на дворе, да ждет!

— Да ведь ты видишь, отец, что я на молитве стою, дай наперед Богу начал положить!

– Бог терпелив, не взыщет, Алексаша, Ему, что часом раньше, что позже, все одно; а ты пожалей народ, рассчитай да отпусти, им еще в баню сходить надо, иной за тебя помолится, Бог через них даст тебе то, чего сам и не вымолишь!

Петр Егорович, как из этого уже видно, был раскольник, как большая часть этого Заволжья. Между чиновниками удельной конторы, куда тот часто приходил по делам, были прежние семинаристы, кои охотно с ним беседовали и старались его обратить на путь истины. Он добродушно выслушивал их, а потом просил объяснить ему, в чем же состоит разница между его верой и ихнею.

Выслушав и это, частью догматическое, частью обрядливое толкование, он отвечал:

– Да ведь я-то сам, я все тот же буду, хоть так стану креститься, хоть эдак, ведь уж я, каков есть, таков и буду, все ту же грешную душу Богу в ответ понесу, а ведь Бог-то с меня, чай, дела спросит, ты помнишь, что Спаситель говорил, Бог дела спросит, а не спросит: ты как аллилую пел, как персты складывал? А ты скажи мне какой закон у тебя, как жить-то надо!

Горячо принимались те толковать ему поучения евангельские, старик слушал спокойно, внимательно, и заканчивая словами: «хорошо говоришь, а вот я погляжу, как делать станешь», уходил.

Однажды новый губернатор, человек ученый и глубоко сведущий в делах веры, приласкал Петра Егоровича, пустился с этим замечательно умным стариком в беседу, и вдруг спросил его прямо:

– Скажи, пожалуйста, Бугров, говорят, будто ты раскольник, правда это?

– Правда.

– Я дивлюсь этому, познакомясь с тобой ближе, я узнал такого почтенного, умного старика, как же это так?

– По Божьей воле.

– Как это?

– Кто в какой вере родился, в той и умирает.

– Расскажи ж мне, пожалуйста, какая ж твоя вера?

– Моя вера, а моя вера вот какая: идешь, либо едешь, глядишь, мужик по дороге с возом в канаву попал, вот, что ты рыть-то приказываешь, ну, как быть, надо свое дело покинуть, надо подскочить пособить; вот моя вера какая!

– Хороша твоя вера, отвечал тот, и более об этом не поминал.

В начале одной из нижегородских ярмарок пошел гул по городу о нехорошем деле: полторы сотни тряпичниц, называвших себя краснорядками, потому что они торговали платчишками и крестьянскими ситцами, переведены были вдаль, к Сибирской пристани, а на их место пущены шорники.

Молва прошла, что дело это не чисто, и об нем толковали, приплетая множество подробностей, кои довольно трудно было бы придумать. Слух, как видно, дошел и до губернатора, и тем более его тревожил, что вскоре ждали царя. Желая разузнать попрянее, что это за толки, и правда ли, что и его имя было тут сильно замешано, губернатор попытался было поговорить с некоторыми из служащих, а там и из купцов, но получал только уклончивые ответы; никто не считал полезным вступаться в дело, которое до него лично не касалось, по которому надо было высказать весьма не лестные для губернатора отзывы, и все это по одним только сплетням и пересудам, передавая то, что люди говорят. Подумав, губернатор послал за Бугровым, обласкал его, увел к себе в комнату, беседовал, будто советуясь по некоторым ярмарочным делам, и наконец приступил к нему прямо.

– Скажи-де мне, что говорят об этом деле, о переводе шорников, в народе? Ты-де старик умный, ты понимаешь, что мне надо это знать; коли меня все станут обманывать, так я ведь и знать не могу, чего хотят и что мне должно делать.

– Обманывать тебя, ваше превосходительство, я не стану, – отвечал тот, – а что сказать, не знаю; ведь молчок не обман, а меня при том деле не было: народ орет, мало ли что врет? Всего маком не посеешь.

– Я вот об этом-то и прошу тебя, Петр Егорович, скажи мне все, все до чиста, что же об этом говорят?

– Да что говорят, ведь народ глуп, мелет зря.

– Нужды нет, Петр Егорович, говори прямо: правда ли, будто директор взял с шорников тысячу рублей?

– Тысячу рублей, нет, этого не слыхал; а народ говорит, будто ты, ваше превосходительство, взял с них четыреста рублей, а уже после этого и директор взял восемьсот; вот что говорят.

– Как, я взял? Как же это может быть, чтоб я взял. Я ничего не брал, а они пожертвовали на приюты четыреста рублей! Деньги эти тогда же записаны сполна на приход по приютам и сданы туда.

– Да уж там, куда расписаны деньги по книгам, мы до этого не доходим, народ глуп, он этого не разбирает; а дело в том, говорят, ты взял наперед четыреста, а он после взял восемьсот; коли правда, что ты взял, ну, так стало быть и он взял; а коли ты не брал, ну, так стало быть врут, и он не брал.

– Это однако прискорбно, коли общий голос так неосновательно судит; шорники захотели сделать доброе дело, внесли деньги на приюты, как же мне было не принять их?

– Уж коли заставил ты меня говорить, ваше превосходительство, так надо договаривать; люди говорят вот что: шорники принесли директору тысячу рублей, дай-де нам место поближе, вот хоть баб-то этих да отставных солдатишек-торгашей выведи, мы выстроим хорошие балаганы, и ряды эти станут показистее; тот было протянул руку, да и призадумался; нет, говорит, так нельзя, братцы, опасно, а вы подите-ка наперед к губернатору, он охотник на приюты собирать, да ему поклонитесь; коли он примет, так тогда приходите.

Вот они, тебя-то задобрив, и пришли к нему, и поднесли остальные шестьсот, а он было не стал брать, подай всю тысячу, однако сошлись на том, что грех пополам, взял восемьсот, доложил тебе, как следует, что-де от этого красота ярмарки будет, и сделал по-ихнему. А дело-то не годится, ваше превосходительство, ты меня послушай: ведь это мирноносицы, с ними ты что будешь делать? Ведь полтора ста баб за решеткой во всю ярмарку не продержишь, а они так вот всем миром царю в ноги упадут, беспреречно, и проезду не дадут, так под лошадей и кинутся, тогда ты что станешь делать? Их за что сбили с места, они тут сидят спокон-веку; кому шорники нужны, тот найдет их, не минует, а у этих ведь толчок, им надо сидеть на юру, ты мне поверь, я правду говорю, их не угомонишь ничем, поди-вон как вопят: все в одно слово, пойдем к царю!

И мирноносицы, как их назвал Петр Егорович, были обращены опять на старое место свое, а директор уволен.

Скончалась хозяйка у Бугрова, с которою он прожил мирно и любовно гораздо за полвека, и дедушка повез ее хоронить в свою деревню Попову, за Волгу. В первом же селе по пути священник в облачении вышел на встречу с крестом; несколько старых изуверов, бывших при поезде, зароптали было, но Бугров их остановил.

– Не троньте, все мы одни христиане, все братья; мы молимся своим обычаем, он своим, а Бог и Христос у нас один. И эта встреча повторилась и в прочих селах.

В течение года после этого старик вдруг сильно одряхлел. Увидав его и поговорив с ним, я посоветовал ему отдохнуть, поменьше заниматься хлопотливыми делами.

– А ты думаешь, я из корысти ныне дела веду? Мне на что? Я давно вон гляжу, и с собой ничего не унесу; а с сына будет и того, что есть; да нельзя от дел отстать, народа жаль; ведь около меня кормится тысячи две человек, как я покину их?

Однако вскоре после этого прислал он ко мне весть на словах: «Скажи барину, что дедушка помирать поехал.»

Он все сдал сыну, уехал в свою деревеньку, сажал там сад и ковырял лапти, подковыривая их, для прочности, ремнями из шири, кожи с цыбиков, и вместе с подаянием, раздавал эти лапти нищим. Он еще раз прислал мне с одним крестьянином поклон и обещанье прислать на прощанье пару своих лаптей, но вслед за тем скончался.